

*Душенко К.В.**

ОТТЕПЕЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ В РУССКОМ ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ XIX–XXI вв.

Аннотация. Оттепельные или близкие к ним метафоры сопровождали всю русскую историю с начала XIX в. (1801, 1855, 1880, 1904, 1954, 1986, 2008). Холодная зима служила аллегорией крайне авторитарного или диктаторского режима, оттепель означала предвестие более либеральных времен. Эти метафоры, как правило, двузначны: оттепель может предвещать весну, но бывает и зимняя оттепель. Ф.И. Тютчев, впервые употребивший слово «оттепель» в его позднейшем значении (1855), по-видимому, имел в виду не приметы внутриполитической либерализации, а начало «оттаивания» общества после долгой политической зимы. Ключевым словом русской печати конца 1850-х годов была все же не «оттепель», а «гласность», а затем – слово «реформы». Понятие «оттепель» применительно к началу царствования Александра II окончательно утвердилось под влиянием советского словоупотребления, восходящего к повести И. Эренбурга «Оттепель» (1954). Оттепельные метафоры встречались также в связи с политической ситуацией 1880–1881 гг. («диктатура сердца» М.Т. Лорис-Меликова) и осени 1904 г. (т.н. весенние мечтания). На Западе «оттепель» служила обычно синонимом десталинизации в широком смысле;

* *Душенко Константин Васильевич* – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия, kdushenko@nl.n.ru

Dushenko Konstantin Vasilyevich – PhD in Historical Science, Senior Researcher at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; kdushenko@nl.n.ru

в СССР это понятие относилось прежде всего к сфере культурной жизни. В советской печати оно использовалось только как «чужое слово», поскольку партийные идеологи небезосновательно видели в нем «термин двусмысленный». С конца 1950-х годов слово «оттепель» нередко встречалось как синоним «разрядки», т.е. потепления отношений со странами Запада. Международная и внутренняя «оттепели» обычно были явлениями взаимосвязанными.

Ключевые слова: политический язык; культурная политика; эпоха Великих реформ; десталинизация; Ф.И. Тютчев; И. Эренбург; Н.С. Хрущев.

Поступила: 20.01.2024

Принята к печати: 27.02.2024

Для цитирования: Константин Душенко. Оттепельные метафоры в русском общественном сознании XIX–XXI вв. // Вестник культурологии. – 2024. – № 2(109). – С. 34–58. – DOI: 10.31249/hoc/2024.02.02

Dushenko K.V.

**“Thaw metaphors” in Russian public consciousness
of the 19th–21st centuries**

Abstract. “Thaw metaphors” or similar metaphors have accompanied the entire Russian history since the beginning of the 19th century (1801, 1855, 1880, 1904, 1954, 1986, 2008). The cold winter served as an allegory for an extremely authoritarian or dictatorial regime, the thaw meant a harbinger of more liberal times. These metaphors are usually ambiguous: a thaw may herald spring, but there is also a winter thaw. F.I. Tyutchev, who first used the word “thaw” in its later meaning (1855), apparently did not mean signs of internal political liberalization, but the beginning of the “thawing” of society after a long political winter. The key word of the Russian press of the late 1850s was still not “thaw”, but “transparency” (“glasnost”), and then the word “reforms”. The concept of “thaw” in relation to the beginning of the reign of Alexander II was finally established under the influence of Soviet word usage, dating back to Ehrenburg’s story “The Thaw” (1954). Thaw metaphors were also encountered in connection with the political situation of 1880–1881. (“dictatorship of the heart” by M.T. Loris-Melikov) and the autumn of 1904 (the so-called “spring

dreams”). In the West, the “thaw” usually served as a synonym for de-Stalinization in the broad sense; in the USSR this concept related primarily to the sphere of cultural life. In the Soviet press it was used only as a “foreign word”, since party ideologists, not unreasonably, saw in it “an ambiguous term.” Since the late 1950s the word “thaw” was often found as a synonym for “detente”, i.e. warming relations with Western countries. The international and domestic “thaws” were to some extent interrelated phenomena.

Keywords: political language; cultural policy; era of Great Reforms; de-Stalinization; F.I. Tyutchev; I. Erenburg; N.S. Khrushchev.

Received: 20.01.2024

Accepted: 27.02.2024

For quoting: Dushenko K.V. “Thaw metaphors” in Russian public consciousness of the 19th–21st centuries // Herald of Culturology. – 2024. – No. 2(109). – P. 34–58. DOI: 10.31249/hoc/2024.02.02

History doesn't repeat itself but it rhymes.
История не повторяется, но рифмуется.
(Американское изречение)

Понятие «оттепели» как явления политического и культурного устойчиво вошло в язык с середины 1950-х – в годы, позднее названные «хрущевской оттепелью». Однако метафоры подобного рода появились гораздо раньше. В сущности, они сопровождали всю русскую историю с начала XIX в. – как правило, после смены главы государства (1801, 1854, 1954, 1986, 2008), а также после назначения главы Верховной распорядительной комиссии (1880) и смены министра внутренних дел (1904). Холодная зима служила аллегорией крайне авторитарного или диктаторского режима, оттепель или же ранняя весна означали предвестие более либеральных времен.

Аллегория, которую можно считать предшественницей оттепельных метафор, появилась после смерти Павла I, когда (цитируем воспоминания Ф.Ф. Вигеля) «все чувствовали какой-то нравственный простор, взгляды сделались у всех благосклоннее, поступь смелее, дыхание свободнее» [Вигель, 1891, с. 180].

Именно это ощущение передано в оде Державина «На восшествие на престол императора Александра I» (1801). Ода широко распространялась в списках, а в 1808 г. была дозволена к печати.

Век новый! Царь младый, прекрасный
Пришел днесь к нам весны стезей!

.....

Умолк рев Норда сиповатый,
Закрылся грозный, страшный взгляд;
Зефиры вспорхнули крылаты,
На воздух веют аромат [Державин, 2002, с. 291].

«Норд» (холодный северный ветер) у Державина отождествлен с Павлом I и, шире, с павловским царствованием. Эту аллгорию проясняет полное заглавие оды в рукописи: «Ода на всерадостное на престол восшествие императора Александра Первого, случившееся 12-го марта, когда солнце в знак Овна, на путь весны вступило и началось новое столетие, 1801 года».

Те же образы встречаем в других одах 1801 г. – Карамзина, Мерзлякова, Хераскова¹:

Так милыя весны явленье
С собой приносит нам забвенье
Всех мрачных ужасов зимы:
Сердца с природой расцветают
И плод во цвете предвкушают.
Весна у нас, с Тобою мы [Карамзин, 1966, с. 261].

Лучами Феба оживленный
Счастливый север пред Тобой
Свергает днесь одежды снежны <...> [Мерзляков, 1867, с. 59].

Цветами юными весна,
Зефирами на Север вея,

¹ Это сходство отмечено в «Русской старине» за 1877 г. [Оды на восшествие ... , 1877, с. 573].

Вступила в знак теперь Овна;
Натура хочет возродиться,
Готово все животвориться –
Земля, и воды, и леса [Херасков, 1858, с. 288].

Спустя десять дней после убийства Павла I 27-летний петербургский чиновник В.Н. Каразин написал государю письмо, содержавшее программу нового царствования, включая развитие народного образования. В результате он был приближен к императору и пользовался его благоволением до 1804 г. Каразин считается фактическим основателем Харьковского университета.

В его письме природная оттепель при начале нового царствования толкуется как знак благих исторических перемен: «Каким прекрасным днем началось Твое царствование! Казалось нам, что сама природа в восторге встретила Тебя!» В позднейшем примечании Каразин поясняет: «Случилось, что 11-го марта 1801 года в Петербурге был самый неприятный зимний день <...>. 12-го, напротив, погода сделалась тихая, теплая и ясная, как будто весна вдруг наступила» [Каразин, 1871, с. 68]. О том же свидетельствует П.И. Полетика, в то время чиновник Коллегии иностранных дел: «...Природа, как бы участвуя в общей радости, изменилась в погоде, которая, быв до 12 марта сырая и пасмурная, совершенно прояснилась <...>» [Полетика, 1885, с. 323].

Каразин в своем письме продолжает: «Александр, любимец сердец наших! Десятый день уже освещает весеннее солнце твоих, надеждами исполненных подданных, и день ото дня, час от часу ты более оправдываешь сии надежды. Какая лестная будущность ожидает нас!..» В 1812 г. Каразин сделал приписку к этому месту: «Все обманулись!.. Автор наряду со всеми...» [Каразин, 1871, с. 68]. Эти слова могли бы повторить многие из тех, кто с надеждой встречал последующие «оттепели».

Две наиболее известные из оттепельных метафор также родились ранней весной и при весьма сходных обстоятельствах.

Слово «оттепель» как обозначение исторических перемен появилось после смерти Николая I (2 марта 1855 г.) и воцарения Александра II. 8 апреля славянофил Иван Сергеевич Аксаков пишет отцу,

С.Т. Аксакову, из Москвы: «Вот вам слово Ф. Тютчева о современном положении: он называет его *оттепелью*. <...> Вообще положение какое-то странное, все в недоумении, никто не прочен, никто не знает настоящего пути, которым хочет идти правительство» [Аксаков, 1994, с. 343].

Два дня спустя, 10 апреля, Вера Сергеевна Аксакова (сестра И.С. Аксакова) пишет о том же в своем дневнике: «Говорят, будто бы государь сказал: “Пусть всякий одевается, как хочет, мне до этого дела нет”! Хорошо, если б это было правда! – Но вообще везде царствует какое-то недоумение, неизвестность, что будет и чего именно хочет правительство. Все чувствуют, что делается как-то легче и в отношении платья¹ и в отношении духа. Тютчев Ф.И. прекрасно назвал настоящее время *оттепелью*. Именно так. Но что последует за оттепелью? Хорошо, если весна и благодатное лето, но если эта оттепель временная и потом все опять закует мороз, то еще тяжелее покажется <...>» [Аксакова, 2004, с. 125].

Тютчев, служивший цензором в Министерстве иностранных дел, жил в Петербурге и с Аксаковыми в то время не переписывался. А значит, о «слове Тютчева» Аксаковы узнали скорее всего от кого-то из знакомых, приехавших из столицы, с более или менее значительным опозданием. Таким знакомым мог быть, например, Тургенев², как раз в это время приехавший в Москву из Петербурга, о чем Аксаков упоминает в письме от 6 апреля.

Свидетельства Аксаковых – единственные известные нам упоминания об «оттепели» в «тютчевском» смысле в 1855 г. Заметим еще, что почти все изречения Тютчева, запомнившиеся современникам, сказаны им по-французски [см. Тютчевиана: ... , 1922], поэтому резонно предположить, что и «слово» об оттепели родилось на этом языке: *un dégel*.

¹ Приказом от 24 марта 1855 г. для офицеров были установлены двубортные «полукафтаны», более удобные, чем николаевские фрачные мундиры. Граф Д.И. Толстой, видный чиновник Министерства внутренних дел, писал П.А. Валуеву: «Наши новости ограничиваются пока переменою одежды (военной); ждем чего-нибудь и еще» [Валуев, 1891, с. 179].

² Ниже приводится упоминание Тургеневым об «оттепели» в политическом смысле, относящееся уже к 1880 г.

У Державина и его современников воцарение Александра I представлено как начало весны, идущей на смену «мрачным ужасам зимы». Тютчевская метафора намеренно двузначна: оттепель может предвещать весну, но бывает и зимняя оттепель. Эта двузначность, подчеркнутая в дневнике Аксаковой, сохраняется в позднейших оттепельных метафорах.

Годом ранее об «оттепели» в переносном значении писала Анна Тютчева, дочь поэта, однако в существенно ином контексте. Речь идет о ее письме князю П.А. Вяземскому из Петербурга, написанном, судя по его содержанию, в марте 1854 г.:

«Жизнь здесь кипит, это настоящая духовная оттепель, пробуждаются все благородные и добрые чувства; восточный вопрос производит в душах действие, подобное чувству любви, – дураки делаются умными, скряги щедрыми, трусы храбрецами, и даже самые апатичные пробуждаются к жизни. Одна лишь Софи Карамзина упорно противится общему воодушевлению. <...> ...Посреди вихря патриотического энтузиазма она производит впечатление бабочки, занесенной порывом ветра в верхние слои атмосферы <...>» (в оригинале по-французски) [Тютчева, 1994, с. 109].

Р. Лейбов и А. Осповат полагали, что «оттепель» здесь значит то же, что у Тютчева в 1855 г., поэтому вопрос об авторстве «слова» остается открытым [Лейбов, Осповат, 2019, с. 109]. Но это едва ли верно. «Духовная оттепель» у Тютчевой – почти что синоним «патриотического энтузиазма», а отнюдь не предвестия перемен во внутренней жизни страны. «Слово Тютчева» родилось в совершенно другой обстановке: со смертью Николая I окончилась историческая эпоха, а облик новой рисовался неясно. Именно это определило двузначность тютчевского высказывания и сделало его тем, что по-французски называется *mot* – «острым словечком»; недаром у обоих Аксаковых оно выделено курсивом. Поэтому автором понятия «оттепель» в его позднейшем значении следует считать именно Тютчева.

Весной 1855 г. курс нового царствования еще не определился. 1 марта Е.И. Якушкин, сын декабриста И.Д. Якушкина, пишет И.И. Пущину из Москвы: «В Петербурге он (Александр II. – К. Д.) производит восторг неописанный – до Москвы доходят только слухи – но в слухах этих почти ничего нельзя разобрать. Впрочем, в одном только нельзя сомневаться, что вообще будет лучше. Вчера еще рассказывали (и лю-

ди довольно достоверные), что император потребовал к себе списки сосланных» [цит. по: Эйдельман, 1979, с. 198].

В Манифесте от 27 марта говорилось о сокращении наказания заключенным и льготах по недоимкам. Манифест этот был, говоря словами И.С. Аксакова, «самый казенный». «О политических преступн<иках> ни слова, и слухи о прощении их прекратились» (письмо С.Т. Аксакову от 2 апреля 1855 г.) [Аксаков, 1994, с. 336].

Признаки потепления режима пришлось бы разглядывать в микроскоп. 31 марта вел. кн. Константин Николаевич, глава Морского ведомства и наиболее либеральный из представителей высшей бюрократии, задумывает ревизию учебных заведений военно-морского ведомства. Симптоматично, что для этого он обратился не к военным, а к служащим Министерства народного просвещения, включая А.В. Никитенко, пользующегося репутацией либерала. Тогда же Никитенко готовит, по согласованию с министром просвещения А.С. Норовым, всеподданнейшую записку о смягчении цензуры, которую, впрочем, Норов так и не представил государю [Никитенко, 1955, с. 406].

Общество, во всяком случае, его наиболее активная часть, ожидало гораздо большего. 27 апреля Е.И. Якушкин сообщает И.И. Пущину: «...Общественное мнение силится из всех сил высказаться и высказывается иногда в <...> подземной литературе чрезвычайно умно» [цит. по: Эйдельман, 1979, с. 200]. Оживление общественной мысли проявлялось также в программных записках, представляемых новому государю. Во всеподданнейшей записке Константина Аксакова заявлялось: «*Общественное мнение* — вот чем самостоятельно может и должен служить народ своему правительству» [Русская ... , 2012, с. 64].

В начале николаевского царствования Тютчев называл самодержавную Россию «вековой громадой льдов» и говорил о преступности и безнадежности попытки декабристов силой оружия побороть «железную зиму» и «вечный полюс растопить» («14-ое декабря 1825 года», 1826 или 1827) [Тютчев, 1984, с. 263]. Теперь, разделяя преобладающее настроение образованного общества, он желал увидеть начало весны, которая растопит «вековую громаду льдов».

Точный контекст, в котором было сказано «слово Тютчева», неизвестен. Однако в марте 1855 г. (наиболее вероятная дата рождения «слова») речь шла не о признаках перемен, но лишь об ожидании пе-

ремен, о начале «оттаивания» общества после «железной зимы». Признаком перемен Тютчев не видел даже два месяца спустя, судя по его письму жене от 21 мая 1855 г.: «Подавление мысли было в течение многих лет руководящим принципом правительства. <...> ...Ничто не было пощажено, все подверглось этому давлению, всё и все отупели. Теперь потребовалась бы огромная двигательная сила со стороны власти, чтобы исправить это положение дел, и, разумеется, до сих пор она никак не проявилась» (в оригинале по-французски. – К. Д.) [Тютчев, 2005, с. 210].

Курс на либерализацию отчетливо наметился к началу 1856 г. С января стал выходить либерально-западнический «Русский вестник», с апреля – славянофильская «Русская беседа». В речи Александра II перед представителями московского дворянства 10 марта содержался недвусмысленный намек на неизбежность освобождения крестьян, а в Манифесте об окончании Крымской войны (19 марта) – намек на необходимость судебной реформы. В августе, по случаю коронации нового государя, была дана амнистия политическим ссыльным.

Следующее после Аксаковых упоминание об «оттепели» мы находим в дневнике петербургского литератора А.В. Дружинина: «Оттепель. Отрадные слухи. Никитенко. <...> Les censeurs s’humanisent¹» (отрывочные записи, январь – начало мая 1856 г.) [Дружинин, 1986, с. 385]. Здесь, так же, как у Аксаковых, слово «оттепель» выделено, что указывает на его новое значение.

Если у Дружинина «оттепель» связывается со смягчением цензурного гнета, то в дневнике петербургского чиновника князя Д.А. Оболенского за декабрь 1856 г. она уже видится историческим рубежом, отделяющим старое время от нового: «Довольно того, что оттепель продолжается, Россия отходит от 30-летнего мороза, который сковал ее члены, Россия начинает пробуждаться». «...Прошедший год <...> ярко отличается от предшествующих годов, как перед наступлением весны бывают дни, хотя еще холодные, но с весенним запахом, предшественником наступающей оттепели. Свободно дышала Россия в этом году. В воздухе слышится другая жизнь, другое направление,

¹ Цензоры становятся гуманнее (франц.).

окоченелые члены оживают, чувствуется благотворная теплота» (записи от 4 и 30 декабря) [Оболенский, 2005, с. 151, 154].

В литературу слово «оттепель» в переносном значении ввел Салтыков-Щедрин в том же 1856 г. Вопрос «Что такое оттепель?» задает, по видимости беспричинно, помещик Буеракин, герой одного из «Губернских очерков», и сам же на него отвечает в стиле, который Щедрин называет «праздной иронией» [Салтыков-Щедрин, 1965, с. 468]:

«Оттепель – <...> возрождение природы; оттепель же – обнажение всех навозных куч.

Оттепель – с гор ручьи бегут; <...> оттепель же – стекаются с задних дворов все нечистоты, все гнусности, которые скрывала зима <...>, все миазмы, все гнилые испарения.

<...> Оттепель – полное томительной неги пение соловья <...>; оттепель же – карканье вороны, наравне с соловьем радующейся теплу.

Оттепель – пробуждение в самом человеке всех сладких тревог его сердца, всех лучших его побуждений; оттепель же – возбуждение всех животных его инстинктов» («Владимир Константиныч Буеракин», опублик. в журн. «Русский вестник», 1856, № 11) [Салтыков-Щедрин, 1965, с. 306].

Другой персонаж «Губернских очерков» замечает: «Старые порядки к концу пришли, а новых мы не доспелись» [там же, с. 219]. Именно это промежуточное время имеет в виду Буеракин. Его тирада служит оправданием бездействия и апатии, но в ней слышится голос и самого Щедрина. О том же чуть позднее писал Герцен: «Отсутствие николаевского гнета как будто расшевелило все гадкое, все отвратительное, все ворующее и в зубы бьющее – под сенью императорской порфиры. Точно как по ночам поднимается скрытая вонь в больших городах во время оттепели или перед грозой» («Под спудом», опублик. в № 5 «Колокола» за 1857 г.) [Герцен, 1958, с. 80].

Трудно сказать, в какой мере читатели «Губернских очерков», особенно провинциальные, опознавали «оттепель» как слово-символ, и тем более – как слово тютчевское. В печати это понятие встречалось нечасто. Пример такого наименования мы находим у Н.И. Пирогова в 1858 г., причем скорее с негативными коннотациями:

«...Есть <...> такие периоды для человечества, в которых старое еще недостаточно состарилось; а новое, втекая целым потоком, еще не успело ни созреть, ни амальгамироваться со старым.

Эти периоды так же вредны для нравственности, как у нас на севере ранние оттепели для посева: семена уносятся тающим снегом. <...> Чуть ли мы сами не живем в одном из таких периодов» (статья «Быть и казаться» из цикла «Вопросы жизни») [Пирогов, 1858, с. 70].

Отсылку к «оттепели» в тютчевском смысле можно усмотреть в очерке И.И. Панаева, помещенном в мартовском номере «Современника» за 1859 г.: «Мороз с оттепелью (в Петербурге. – К. Д.) почти сменяются через день... <...> ...На меня <...> это климатическое непостоянство действует самым зловредным образом. <...> ...Я начинаю сомневаться в убеждениях самых близких мне людей и в возможности, которая одушевляет их идти по *новому светлому прямому пути усовершенствований и улучшений* <...>; эта стереотипная фраза сделалась мне противна. <...> ...В сию минуту я особенно зол на всех петербургских 40 и 50-летних энтузиастов – моих друзей и приятелей, повторяющих избитые фразы о прогрессе, и прочее, и прочее» [Панаев, 1859, с. 174–175].

В «Русском вестнике» за 1860 г. слово «оттепель» применено к бонапартистской Франции, но, можно думать, не без оглядки на Россию. По поводу циркуляра нового министра внутренних дел Виктора де Персиньи говорилось: «Циркуляр, говоря приятным слогом, походит на дыхание оттепели после суровых морозов, хотя эта оттепель еще не совсем весна» [Либеральная ... , 1860, с. 161].

Два месяца спустя после Манифеста 19 февраля 1861 г. виднейшие деятели крестьянской реформы – министр внутренних дел С.С. Ланской и его ближайший помощник Н.А. Милютин – были уволены. 7 мая князь В.А. Черкасский пишет Н. Милютину: «После весенней оттепели мы вернемся не в суровую зиму, а просто в скучную и грязную слякоть» [Leroy-Beaulieu, 1884, p. 80] (последнее слово Леруа-Болье приводит по-русски латиницей).

В том же году правовед государственной школы Б.Н. Чичерин писал брату: «Вся Русская земля немного сбилась с толку. Возшло для нас весеннее солнце и произошла оттепель. Зелень еще впереди, если солнце будет продолжать греть, а пока только непроходимая грязь» (письмо от 11 октября 1861 г.) [Чичерин, 2010, с. 20].

Скептическое отношение демократов-шестидесятников к тогдашней «оттепели» выражено в рецензии Дм. Писарева на тургеневских «Отцов и детей»: «Базаров <...> возьмется <...> за дело только тогда,

когда увидит возможность действовать не машинально. <...> ...Он не примет случайной оттепели за наступление весны» (Русское слово, 1862, № 3) [Писарев, 1955, с. 45].

Ключевым словом русской печати конца 1850-х годов было не «оттепель», а «гласность», а затем – слово «реформы». То же относится к дореволюционной исторической литературе об этой эпохе, за весьма редкими исключениями, например: «...В начале царствования Александра II наступила в России либеральная *оттепель* <...>» [Драгоманов, 1881, с. 69].

В пятом издании книги Г.А. Джаншиева «Из эпохи великих реформ» (1894) автор ностальгически восклицал: «Пусть в эту оттепель весеннего русского возрождения рядом с хорошими инстинктами выступили, как и вообще бывает в оттепель весною, и затаенные алчные вождения, рядом с искренним порывом к свободе, равенству и братству, и окрашенное в модный либеральный цвет юркое, напускное и либеральное недомыслие, все-таки да будет благословенно это светлое время пробуждения!» [Джаншиев, 1894, с. 48].

Историк Сергей Михайлович Соловьев (1820–1879) в посмертно изданных мемуарах писал об «оттепели» 1850-х годов почти в тех же выражениях, что и Щедрин в «Губернских очерках», однако акценты расставил существенно иначе: «Но вот с 1855 года пахнуло оттепелью; двери тюрьмы начали отворяться; свежий воздух производил головокружение у людей, к нему непривыкших, и в то же время замерзшие нечистоты начали оттаивать, и понеслись миазмы. <...> ...Явилась целая обличительная литература, следствием чего было усиление пагубной привычки к отрицанию <...>» (Мои записки... , XXIII; опубл. в 1896 г.) [Соловьев, 1997, с. 348, 349]. К пагубным отрицателям Соловьев, надо думать, причислял и Щедрина.

Высказывания С.М. Соловьева и особенно – Г. Джаншиева¹ были наиболее заметными упоминаниями об «оттепели» 1850-х годов вплоть до середины XX в. Понятие «оттепель» применительно к началу царствования Александра II окончательно утвердилось, как мы по-

¹ После 5-го издания его книги об эпохе Великих реформ до 1906 г. вышло еще пять изданий.

лагаем, под влиянием советского словоупотребления, восходящего к повести Эренбурга. Письма Ивана Аксакова увидели свет в 1888 г., дневник В.С. Аксаковой – в 1913 г., однако «оттепель» как словосимвол стало устойчиво связываться с именем Тютчева лишь с 1960-х годов, главным образом в трудах по истории русской литературы.

Широкая читательская аудитория в СССР узнала о первой «оттепели» из исторического бестселлера Валентина Пикуля «Битва железных канцлеров» (1977):

«Московские славянофилы тогда же пустили в оборот модное словечко “оттепель”:

– Господа, начинается политическая оттепель...

Началась она с того, что Александр II (сам курящий) позволил верноподданным курить на улицах и в общественных местах» [Пикунь, 1988, с. 35].

(В действительности запрет на курение на улицах Петербурга, введенный в 1839 г. из соображений пожарной безопасности, был отменен лишь в 1865 г.)

В исторических трудах наименование «оттепель» применительно к 1850-м годам становится обычным с конца 1980-х, практически одновременно с легализацией понятия «хрущевская оттепель». Окончание первой «оттепели» датировалось различно, но чаще всего называются две даты: 1862 г. (петербургские пожары) либо 1866 г. (покушение Каракозова). Оба эти события повлекли за собой политические репрессии и ужесточение цензуры, а второе из них – также резкое «поправление» правительственного курса.

Оттепельные метафоры ожили в период «диктатуры сердца» М.Т. Лорис-Меликова, породившей надежды на продолжение либеральных реформ. 21 апреля 1880 г., в связи с отставкой министра народного просвещения Д.А. Толстого И.С. Тургенев писал М.М. Стасюлевичу: «Вот ненавидим был человек! Но каким образом это случилось? Как рухнул этот столб?! <...> Решительно: оттепель наступила сильная» [Тургенев, 1967, с. 236]. В начале царствования Александра III, когда поворот к политике контрреформ еще не стал очевидным, редактор либеральной «Русской мысли» писал: «Мы действительно находимся в переходном состоянии, и нам одинаково

вредны и ранняя оттепель, и запоздалые морозы» [Гольцев, 1881, с. 47]. А в январе 1882 г. либеральное «Земство» сетовало: «...Мы <...> приняли оттепель, бывшую в начале истекшего года, за признак близкого окончания зимы», однако «недолгая оттепель сменилась долговременной и суровой зимой» [Внутреннее ... , 1882, с. 16].

В конце царствования Александра III Д.С. Мережковский использовал оттепельную метафору для характеристики безвременья: «Мы живем в странное время, похожее на оттепель. В самом воздухе какое-то нездоровое расслабление и податливость. Все тает... То, что было некогда действенным и белым как снег, превратилось в грязную и рыхлую массу. На водах – совсем тонкий, изменнический лед, на который ступить страшно. И шумят, и текут мутные, внешние ручьи из самых подозрительных источников» [Мережковский, 1893, с. 74].

Целый набор оттепельных метафор появился осенью 1904 г., после назначения нового министра внутренних дел П.Д. Святополк-Мирского. 16 сентября министр заявил о необходимости «искренне доверчивого отношения к общественным и сословным учреждениям и к населению вообще», «взаимного доверия» между властью и обществом [Витте, 1960, с. 600]. Издатель «Нового времени» А.С. Суворин назвал эту речь «веянием весны» [Суворин, 1904], а «Русские ведомости» сообщали: «“Повеяло весной”... Таково общее впечатление; это говорят в обществе; это отмечает печать» [Ачкасов, 1905, с. 38]. «Повеяло весной» (точнее: «весною») — цитата из хрестоматийного стихотворения А.Н. Плещеева «Весна» (1872), которое начинается со слов «Уж тает снег...».

Сходные обороты появились в печати – сперва закордонной, а потом и подцензурной – раньше. Летом 1904 г. В.А. Грингмут, ставший вскоре одним из вождей черносотенного движения, писал: «Наши “либералы” с начала текущего года упорно твердили, что “осенью” у нас начнется “политическая весна”, с “земским парламентом”, “свободой печати”, “свободой сходов” и прочими прелестями революционного катехизиса» («Чего хотят наши злодеи?», в газ. «Московские ведомости» от 16 июля 1904 г.) [Грингмут, 1908, с. 150].

В 1905 г. вышли два издания сборника «“Повеяло весною...”»: Речь г. министра внутренних дел князя П.Д. Святополк-Мирского и толки о них прессы» [Ачкасов, 1905]. Очень скоро ожидания общества в первые месяцы министерства Святополк-Мирского (т.н. эпоха дове-

рия) получили ироническое наименование «весенних мечтаний», например:

«...Усилиями революционного социализма старается воспользоваться либеральное общество, после того как правительство грубо прервало его “весенние мечтания”» [Махайский, 1906, с. XXVIII];

«...Чуть не поголовно всеми, ежегодно собиравшимися в ноябре в двухсветной зале нашей управы, овладели знаменитые “весенние мечтания”» (И.А. Бунин, очерк «Архивное дело», 1914) [Бунин, 1988, с. 40].

Отметим также случай использования понятия «оттепель» накануне Первой мировой войны. В июле 1913 г. меньшевик П.Б. Аксельрод призвал готовиться к созыву объединительного рабочего съезда, «как только начнется политическая оттепель» и «реакция <...> вынуждена будет сделать некоторые шаги по пути обуздания безграничного произвола» [Аксельрод, 1913].

Затем понятие «оттепель» надолго исчезает из политического языка.

«Хрущевская оттепель» получила свое название от заглавия повести Ильи Эренбурга. «Тот апрель (1953 года. – К. Д.) <...> был особенным, – вспоминал Эренбург. – <...> Вероятно, я думал об этом апреле, когда осенью решил написать маленькую повесть и на листе бумаги сразу же поставил заглавие “Оттепель”» (Люди, годы, жизнь, кн. 6) [Эренбург, 2005, с. 244]. 1-я часть повести была опубликована в майском номере журнала «Знамя» за 1954 г. и в том же году вышла книжным изданием. 2-я часть вышла в свет два года спустя, когда слово «оттепель» уже стало символом.

Действие 1-й части начинается зимой, в последние месяцы жизни Сталина, а заканчивается, когда «высокое солнце весны пригревает <...> весь изыбший за зиму мир» [Эренбург, 1965, с. 126]. По жанру это обычная, к тому же весьма небрежно написанная производственная повесть с дежурной любовной темой. Однако по всему тексту разбросаны сигналы, которые мгновенно улавливались читателем: неприглядный быт рабочего поселка, упоминание о репрессиях 30-х годов (в одном ряду с бедствиями войны!), а также о «деле врачей», рассуж-

дения о необходимости «советского гуманизма» и т.д. (Подробнее этот сюжет рассмотрен в нашей статье: [Душенко, 2018].) Оттепельные метафоры проходят через всю книгу.

Неизвестно, слышал ли Эренбург об «оттепели» 1850-х годов. Возможно, что не слышал, так же, как и его читатели. В тогдашней исторической литературе, а также в литературоведении это понятие почти не встречалось; и даже в начале XX в., во времена дореволюционной молодости Эренбурга, оно, по-видимому, было редким.

Повесть фиксировала начало перемен, а отчасти опережала их. «Хотя я и написал “Оттепель”, – вспоминал потом Эренбург, – я сам еще не успел по-настоящему оттаять» [Эренбург, 2005, с. 267].

Название повести очень скоро обрело тот же смысл, что и столетием раньше. Поздравляя в письме Эренбурга с новым 1955 годом, Вера Панова добавила: «...Для всех нас желаю, чтобы и у нас, в нашем ремесле, наконец, наступила оттепель» [там же, с. 270].

А.З. Добровольский, который отбыл 17-летний срок на Колыме и с 1954 г. жил там в качестве вольнонаемного, писал о начале своей вольной жизни: «...Это начинание жизни сызнова совпало со временем, которое определялось словом “оттепель”» (письмо Варламу Шаламову без даты; написано предположительно весной 1955 г.). [Шаламов, 2004, с. 489]. Как видим, всего через год после публикации повести Эренбурга слово «оттепель» как обозначение нового исторического периода дошло до самых отдаленных окраин. Шаламов тогда же писал: «Что касается оттепели, то я, промерзший, наверное, до костей насквозь, ее, надо сказать, не чувствую — такой, как мне хотелось бы, а требования у меня скромнейшие из скромных» (письмо А.З. Добровольскому от 12 марта 1955 г.) [там же, с. 488].

Повесть Эренбурга нашла живой отклик и в эмиграции. Идеолог НТС А.С. Светов (Парфенов), который в послесталинском СССР усматривал признаки «большевистского термидора»¹, высоко оценил значение повести: «...Если “Оттепель” Эренбурга еще не конец зимы, то все же поминание о том, что зима не бесконечна и силы весны рано или поздно пробьются к жизни» [Светов, 1954, с. 137].

Совершенно иначе отозвался представитель «старой эмиграции» Роман Гуль. Он счел повесть «социальным заказом», написанным в

¹ Таким было заглавие его статьи в № 5 журнала «Мысль» за 1954 г.

дни премьерства Маленкова, «когда – и за границей и внутри страны – было много шума о наступлении политической весны»¹. (Тут, заметим, использован термин начала XX в., невозможный в советском политическом языке.) Эренбург «вставил в повесть всё, что для пропаганды этой весны было нужно», однако в выполнении заказа просчитался. «Недаром напала и нападает на него казенная критика. Но за Эренбурга волноваться нечего. Не повезло с повестью для Маленкова, он для Хрущева напишет иначе» [Гуль, 1955, с. 297].

Тогда же об «оттепели» стала писать иностранная печать. Книга американского журналиста Сайруса Лео Сулицбергера о переменах в СССР и его сателлитах вышла под заглавием «Большая оттепель» (*The Big Thaw*, 1956). Польская печать, в отличие от советской, с 1956 г. пользовалась понятием «оттепель» вполне свободно. Позднее оно встречалось применительно к начальному этапу правления Владислава Гомулки: *odwilż gomułkowska* – гомулковская оттепель.

На Западе «оттепель» служила обычно синонимом десталинизации в широком смысле; в СССР это понятие относилось преимущественно к сфере культурной жизни. В советской печати оно использовалось только как «чужое слово». В конце 1956 г. литературовед И.И. Анисимов, отвечая на вопросы итальянского писателя-социалиста Иньяцио Силоне, заявил: «Понятие “оттепели”, которым вы пользуетесь и которое очень распространено в западноевропейской печати, не пришло и не привьется в нашей печати. Нет оснований название повести <...> делать обозначением больших и глубоких перемен после того, как был отброшен культ Сталина <...>» [Анисимов, 1957, с. 231].

Критик журнала «Москва» обличал писателей, которые «стали <...> отрешиваться от всего, что было ранее, потому что ранее, по их мнению, была ночь и лютая зима, и только сейчас наступает утро и оттепель» [Андреев, 1960, с. 209].

10 октября 1974 г. А.К. Гладков записывает в своем дневнике: «Звонок редакторши сборника об Эренбурге. <...> Слово “оттепель”

¹ Ср. также высказывание на конференции, организованной НТС: «...Маленков на августовской сессии Верховного Совета заговорил об “оттепели”, о “крутом подъеме” <...>» [Мороз, 1955, с. 236]. Разумеется, в своей речи 8 августа 1954 г. Маленков об «оттепели» не говорил.

цензура запрещает. Не глупо ли?» [Гладков, 2016, с. 162]. Партийные идеологи видели в слове «оттепель» «термин двусмысленный» [Ильичев, 1963, с. 9], и тут они были правы. «С понятием оттепели, – пояснял Хрущев, – связано представление о времени неустойчивости, непостоянства, незавершенности, температурных колебаний в природе, когда трудно предвидеть, в каком направлении будет складываться погода...» (на встрече с творческой интеллигенцией в Кремле 8 марта 1963 г.) [Хрущев, 1963, с. 224].

На заседании Президиума ЦК 25 апреля 1963 г. Хрущев заявил: «Сложилось и такое понятие о какой-то “оттепели” – это ловко этот жулик подбросил, Эренбург» [Президиум ЦК ... , 2015, с. 724]. На приснопамятной встрече с творческой интеллигенцией 8 марта 1963 г. Хрущев связал понятие «оттепели» с понятием «либерализм», которое в партийном языке использовалось исключительно в ругательном смысле: «Он (Андрей Вознесенский. – *К. Д.*) нам хочет какую-то партию беспартийных создать. ...Здесь, знаете, либерализму нет места, господин Вознесенский». «...Теперь уже не оттепель и не заморозки – а морозы. Да, для таких будут самые жестокие морозы». «Ты с нами или против нас? Другого пути у нас нет. Мы хотим знать, кто с нами, кто против нас. Никакой оттепели. Или лето, или мороз» [Минченко, 2002].

Хрущев-пенсионер думал уже иначе: «Считаю, что пущенное им слово отражало действительность <...>. Решаясь на приход оттепели и идя на нее сознательно, руководство СССР, в том числе и я, одновременно побаивались: как бы из-за нее не наступило половодье, которое захлестнет нас и с которым нам будет трудно справиться <...>» [Хрущев, 1999, с. 283].

Понятие «кинематограф оттепели» появилось у нас в 1963 г. как термин «буржуазной пропаганды», потратившей, по словам советского критика, «немало усилий на то, чтобы представить наше киноискусство последних лет как кинематографию “оттепели”. Причем в это понятие вкладывается определенное содержание: идейное послабление, отказ от тенденциозности и чуть ли не наступление формализма» [Писаревский, 1963, с. 136].

В марте 1964 г. об окончании литературной «оттепели» объявил «Огонек», опять же со ссылкой на западную печать:

«Год назад буржуазные писаки на Западе писали, утверждали, что вот, мол, кончилась “оттепель”, начались “заморозки” в советской литературе.

Никаких “заморозков”, естественно, не наступало, да и само туманное понятие “оттепель”, в которое можно вложить какой угодно смысл, отошло в прошлое. Над нашей землей чистое небо, и яркое солнце бьет в окна нашего дома!» [Кружков, 1964, с. 7].

С конца 1950-х годов слово «оттепель» нередко встречалось как синоним «разрядки», т.е. потепления отношений со странами Запада. Такого рода метафорами пользовался Хрущев:

«В результате улучшения отношений между Финляндией и Советским Союзом начал постепенно расплавляться ледяной барьер, наступила оттепель и ясная погода» (на встрече с У. Кекконеном 23 января 1959 г.). «...Наши отношения были с заморозками. Сейчас многие говорят об “оттепели”. <...> Мы рассматриваем ваш приезд как результат этой “оттепели” <...>» (на встрече с Гарольдом Макмилланом 21 февраля 1959 г.) [Хрущев, 1960, с. 9, 92].

Международная и внутренняя «оттепели» до некоторой степени были явлениями взаимосвязанными. Уже в брежневское время Ю.Л. Нельская-Сидур, жена скульптора Вадима Сидура, записывает в своем дневнике: «...Сейчас наступил новый и, надеюсь, длительный период оттепели. Слава богу, китайцы и Никсон помогли. Брежнев начнет ездить по миру и продолжать дело персонального пенсионера Никиты Сергеевича Хрущева». «Оттепель продолжается. Еще Юнна (Мориц. – К. Д.) сказала со слов Евтушенко, что сейчас все начальство объединяется в борьбе со славянофильством. Сегодня еще одно “потепляющее” подтверждение – в Институте мировой литературы дано указание на то, чтобы выпустить книгу о России как стране европейской, и о том, как все писатели русские любили Европу» (записи от 17 и 18 сентября 1971 г.) [Нельская-Сидур, 2015, с. 709, 710].

Ретроспективно, с начала 1970-х годов, в Тамиздате и Самиздате получает распространение термин «хрущевская оттепель». В 1985 г. писатель Василий Аксенов предложил раздвинуть границы «оттепели»: после падения Хрущева «начался период, если так можно выразиться, “второй оттепели”, который продолжался до августа 1968 года» [Аксенов, 1985, с. 32].

В 1970 г. в закордонном журнале появилось эссе «Двойное сознание интеллигенции и псевдокультура», подписанное: «О. Алтаев». Псевдоним принадлежал философу и писателю Владимиру Кормеру (1939–1986). Кормер говорил о шести соблазнах российской интеллигенции. Нас интересует пункт пятый:

«Соблазн оттепельный. Как и революционный соблазн, он живет в тайниках интеллигентского сознания всегда, в виде надежд на перемены. По сравнению с революционным соблазном, он боязливее. Сентиментальнее. Крушение все же пугает теперешнего интеллигента, но перемен он ждет с нетерпением, и, затаив дыхание, ревностно высматривает все, что будто бы предвещает эти долгожданные перемены» [Кормер, 1970, с. 31].

О том же говорила Надежда Мандельштам: «Эту эпоху принято называть “оттепелью”, потому что кто-то поверил, что люди получают сверху разрешение говорить полным голосом». Однако «сама потребность в разрешении — это остаток прошлой эпохи с ее верой в авторитет, санкцию и инструктивные указания, с ее страхом кары и ужасом перед начальственным окриком» («Воспоминания», 1960–1970) [Мандельштам, 2014, с. 423].

В 1986 г. стали заметны первые веяния горбачевской либерализации, а вместе с ней — разговоры о новой «оттепели». 7 ноября 1986 г. хирург Николай Амосов записывает в дневнике: «...Оттепель идет по газетам и журналам. Вторая уже на моей памяти, но эта — теплее прежней, что при Никите Хрущеве» [Амосов, 1990, с. 45]. Главный вопрос, волновавший общественность, можно выразить так: это оттепель или уже весна? (Хотя не всегда это именно так формулировалось.) Но с конца 1980-х годов «процесс пошел» так стремительно, что об оттепели говорить уже не приходилось.

Очередные — и пока что последние — ожидания «оттепели» были связаны с президентством Дмитрия Медведева. В 2008 г. публицист Сергей Шаргунов заявлял: «У будущего президента, огрубляя, есть две дороги: дорога мерзлоты, гладкая, накатанная, но ведущая к обрыву, и дорога оттепели, непростая и сырая, но сквозь талый снег проступает дышащая почва реальной жизни». «Свободу придется даровать. <...> Мы ждем оттепели, господин президент» [Шаргунов, 2008, с. 12, 20]. Тут Шаргунов продолжал двухвековую традицию: идея

«дарования свободы», хотя бы весьма ограниченной, содержалась во всех такого рода метафорах, начиная с державинской.

Историк Владимир Фортунатов полагал, что «после явного “похолодания” в политической сфере в годы второго президентского срока В.В. Путина с приходом Д.А. Медведева наметилась некоторая “оттепель”» [Фортунатов, 2010, с. 246]. Однако сам Медведев, став президентом, на вопрос об ожидаемой «оттепели» ответил почти в том же духе, что и Хрущев в 1963 г.:

«В вашем вопросе уже содержится предположение о том, что “оттепель” нужна. Но что такое “оттепель”? Ослабление влияния государства на жизнь?.. “Оттепель” – это не признак развития государственного устройства. Это переходная фаза к чему-то новому... Нужно ли нам сегодня изменение общественно-политического устройства? Мой ответ – нет» [цит. по: Млечин, 2018, с. 422].

Список литературы

Исследования

Душенко К.В. «Оттепель»: повесть-сигнал // *Душенко К.В.* Красное и белое: Из истории политического языка : сборник статей. – Москва : ИНИОН РАН, 2018. – С. 125–130.

Лейбов Р., Основат А. Из комментария к стихотворению Тютчева «14 декабря 1825 года» // *Intermezzo festoso. Liber amicorum in honorem Lea Pild* : историко-филологический сборник в честь доцента кафедры русской литературы Тартуского университета Леа Пильд. – Тарту : Изд-во Тартуского университета, 2019. – С. 107–111.

Эйдельман Н.Я. Пушкин и декабристы: из истории взаимоотношений. – Москва : Худож. лит., 1979. – 422 с.

Источники

Аксаков И.С. Письма к родным (1849–1856). – Москва : Наука, 1994. – 653 с.

Аксакова В.С. Дневник: 1854–1855. – Москва : Астрель, 2004. – 397 с.

Аксельрод П.Б. Прежде и теперь (О русском рабочем движении) (Окончание) // Живая жизнь. – Санкт-Петербург, 1913. – № 13, 25 июля. – С. 1.

Аксенов В. «Юность» бальзаковского возраста // Стрелец. – Нью-Йорк, 1985. – № 10. – С. 28–35.

Амосов Н.М. Книга о счастье и несчастьях (окончание) // Радуга. – Киев, 1990. – № 1. – С. 27–73.

Андреев Ю. Любовь и ненависть писателя // Москва. – Москва, 1960. – № 2. – С. 200–209.

- Анисимов И.И.* Советская литература сегодня и ее перспективы (Ответы на вопросы И. Силоне) // Иностранная литература. – Москва, 1957. – № 2. – С. 228–232.
- Ачкасов А.Н.* «Повеяло весною»... : речь г. министра вн. дел кн. П.Д. Святополк-Мирского и толки о них прессы. – 2-е изд. – Москва : Д.П. Ефимов, 1905. – 240 с.
- Бунин И.А.* Собрание сочинений : в 6 т. – Москва : Худож. лит., 1988. – Т. 4. – 702 с.
- Валуев П.А.* Дневник графа Петра Александровича Валуева. 1847–1860 // Русская Старина. – Санкт-Петербург, 1891. – Апрель. – С. 167–182.
- Вигель Ф.Ф.* Записки. – Москва : Университетская тип., 1891. – Ч. 1. – 221 с.
- Витте С.Ю.* Воспоминания. – Москва : Соцэкгиз, 1960. – Т. 2 : 1894 – октябрь 1905. – LXXXI, 639 с.
- Внутреннее обозрение // Земство. – Москва, 1882. – № 1, 6 янв. – С. 15–20.
- Герцен А.И.* Собрание сочинений : в 30 т. – Москва : Изд-во АН СССР, 1958. – Т. 13. – 684 с.
- Гладков А.К.* Дневник. 1974 год (июль – декабрь) / публ. и коммент. М. Михеева // Нева. – 2016. – № 11. – С. 144–176.
- [*Гольцев В.А.*] Внутреннее обозрение // Русская мысль. – Москва, 1881. – Июль. – С. 43–56 (2-я паг.). – Подпись: В.Г.
- Грингмут В.А.* Собрание статей. – Москва : Тип. Московского университета, 1908. – Вып. 2. – 310 с.
- Гуль Р.* Об «Оттепели» Эрэнбурга // Новый журнал. – Нью-Йорк, 1955. – Кн. 40, март. – С. 295–301.
- Державин Г.Р.* Сочинения. – Санкт-Петербург : Академический проект, 2002. – 711 с.
- Джанишиев Г.А.* Из эпохи Великих реформ: Исторические справки. – Изд. 5-е, дополненное. – Москва : Тип. А.И. Мамонтова, 1894. – 716 с.
- [*Драгоманов М.П.*] Историческая Польша и великорусская демократия. – Женева : Тип. «Работника» и «Громади», 1881. – 511, VIII с.
- Дружинин А.В.* Повести. Дневник. – Москва : Наука, 1986. – 511 с.
- Ильичев Л.Ф.* Об ответственности художника перед народом : речь на встрече руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства 7 марта 1963 г. // Литературная Россия. – Москва, 1963. – № 11. – С. 9–10.
- Каразин В.Н.* Первое писание В. Н. Каразина к императору Александру 1-му. 22 марта 1801 г. // Русская старина. – Санкт-Петербург, 1871. – Т. 4, июль. – С. 68–80.
- Карамзин Н.А.* Его императорскому величеству Александру I, самодержцу всероссийскому, на восшествие его на престол // *Карамзин Н.А.* Полное собрание стихотворений. – Москва ; Ленинград : Советский писатель, 1966. – С. 261–264.
- [*Кормер В.*] Двойное сознание интеллигенции и псевдокультура // Вестник русского студенческого христианского движения. – Париж ; Нью-Йорк, 1970. – № 3(97). – С. 8–31. – Подпись: О. Алтаев.
- Крестовский В.В.* Собрание сочинений. – Санкт-Петербург : Общественная польза, 1905. – Т. 8. – 492 с.
- Кружков Ник.* Воспитание душ и сердец // Огонек. – Москва, 1964. – № 14, март. – С. 7–8.

Либеральная реакция во Франции // Русский вестник. – Москва, 1860. – Т. 30, № 11/12. – С. 153–178.

Мандельштам Н. Собрание сочинений : в 2 т. – Екатеринбург : Гонзо, 2014. – Т. 1 : «Воспоминания» и другие произведения (1958–1967). – 864 с.

[*Махайский В.К.*] Умственный рабочий. – Санкт-Петербург : В. Яковенко, 1906. – Ч. 1. – XXXVI, 128 с. – На титуле псевд.: А. Вольский.

Мережковский Д.С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы. – Санкт-Петербург : Б.М. Вольф, 1893. – 192 с.

Мерзляков А.Ф. Стихи на восшествие на престол Государя Императора Александра I // Мерзляков А.Ф. Стихотворения. Оригинальные стихотворения и переводы из новейших писателей. – Москва : Грачев и Комп., 1867. – Ч. 1. – С. 58–64.

Минченков Д. Как нам было страшно! Найден подлинник речей Хрущева перед советской интеллигенцией // Огонек. – Москва, 2002. – № 8, 3 марта. – С. 5.

Млечин Л. Путин. – Москва : Рипол-Классик, 2018. – 512 с.

Мороз П. [Выступление на дискуссии об экономической политике правительства СССР] // 5-я Конференция Института по изучению истории и культуры СССР (1955, апрель 25–27; Мюнхен). Доклады и дискуссии. – Мюнхен : [Институт по изучению СССР], 1955. – С. 234–237.

Нельская-Сидур Ю.Л. «Время, когда не пишут дневников и писем...»: хроника одного подвала. Дневники 1968–1973. – Москва : АИРО-XXI ; Санкт-Петербург : Алетей, 2015. – 1080 с.

Никитенко А.В. Дневник : в 3 т. – Москва : Худож. лит., 1955. – Т. 1 : 1826–1857. – 542 с.

Оболенский Д.А. Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского, 1855–1879. – Санкт-Петербург : Нестор – история, 2005. – 501 с.

Оды на восшествие на престол императора Александра I. 1801 // Русская старина. – Санкт-Петербург, 1877. – Декабрь. – С. 569–578.

[*Панаев И.И.*] Петербургская жизнь: Заметки Нового поэта // Современник. – Санкт-Петербург, 1859. – № 3. – С. 173–208 (2-я паг.).

Пикуль В.С. Избранные произведения : в 4 т. – Москва : Современник, 1988. – Т. 4. – 508 с.

Пирогов Н.И. Собрание литературных статей. – Одесса : Городская тип., 1858. – 81 с.

Писарев Д.И. Сочинения : в 4 т. – Москва : Худож. лит., 1955. – Т. 2. – 432 с.

Писаревский Д. Венеция, 1962 // Искусство кино. – Москва, 1963. – № 1. – С. 125–137.

Полетика П.И. Мои воспоминания // Русский архив. – Москва, 1885. – [Кн. 3]. – С. 305–335.

Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. – 3-е изд. – Москва : РОССПЭН, 2015. – 1376 с.

Русская социально-политическая мысль. 1850–1860-е годы : хрестоматия. – Москва : Изд-во Московского университета, 2012. – 895 с.

Салтыков-Шедрин М.Е. Собрание сочинений : в 20 т. – Москва : Худож. лит., 1965. – Т. 2. – 559 с.

Светов А. «Коммунистом» по коммунизму // Мысль. – Франфурт на Майне, 1954. – Т. 2, № 6/7. – С. 130–137.

Соловьев С.М. Сочинения : в 3 т. – Ростов на Дону : Феникс, 1997. – Т. 1. – 576 с.

Суворин А.С. Речь министра внутренних дел // Новое время. – Санкт-Петербург, 1904. – 21 сент. – С. 4.

Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем : в 28 т. Письма : в 13 т. – Ленинград : Наука, 1967. – Письма. Т. 12, кн. 2. – 652 с.

Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и писем. – Москва : Классика, 2005. – Т. 5 : Письма 1850–1859. – 495 с.

Тютчев Ф.И. Собрание сочинений : в 2 т. – Москва : Худож. лит., 1984. – Т. 1 : Стихотворения. – 495 с.

Тютчева А.Ф. Письма А.Ф. Тютчевой к князю П.А. Вяземскому / [Вступит. статья и пер. с франц. Н.В. Снытко] // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. : альманах. – Москва : Студия ТРИТЭ : Рос. Архив, 1994. – [Т.] 5. – С. 107–122.

Тютчевiana: Эпиграфы, афоризмы, остроты Ф. И. Тютчева / [сост. Г.И. Чулков]. – Москва : Костры, 1922. – 56 с.

Фортунатов В.В. Россия в 2017 году. Чем закончатся эксперименты со страной? – Санкт-Петербург : Питер, 2010. – 320 с.

Херасков М.М. Ода его императорскому величеству великому государю, Александру Павловичу, самодержцу российскому, на всерадостное его на престол вступление // Библиографические записки. – Москва, 1858. – № 9. – Стб. 288–290.

Хрущев Н.С. Время, люди, власть: (воспоминания) : в 4 кн. – Москва : Московские новости, 1999. – Кн. 4. – 728 с.

Хрущев Н.С. Высокое призвание литературы и искусства. – Москва : Правда, 1963. – 247 с.

Хрущев Н.С. Мир без оружия – мир без войн. – Москва : Госполитиздат, 1960. – Т. 1. – 512 с.

Чичерин Б.Н. Воспоминания. – Москва : Изд-во им. Сабашниковых, 2010. – Т. 2 : Московский университет. Земство и Московская дума. – 528 с. – 1-е изд.: 1929.

Шаламов В. Воспоминания; записные книжки; переписка; следственные дела. – Москва : Эксмо, 2004. – 1066 с.

Шаргунов С. Битва за воздух свободы. – Москва : Алгоритм, 2008. – 254 с.

Эренбург И. Люди, годы, жизнь : в 3 т. – Москва : Текст, 2005. – Т. 3, кн. 6–7. – 624 с.

Эренбург И. Собрание сочинений : в 9 т. – Москва : Худож. лит., 1965. – Т. 6. – 688 с.

Leroy-Beaulieu A. Un homme d'État russe (Nicolas Milutine) d'après sa correspondance inédite: étude sur la Russie ... – Paris : Hachette, 1884. – 358 p.

References

Dushenko, K.V. “*Ottepel’*”: *povest'-signal* [“The Thaw”: The story'-signal] In Dushenko K.V. *Krasnoe i beloe: Iz istorii politicheskogo yazyka: Sbornik statej* [Red and

White: From the History of Political language: A collection of articles]. Moscow INION RAN Publ., 2018, pp. 125–130. (In Russ.)

Lejbov, R., Ospovat, A. Iz kommentariya k stihotvoreniyu Tyutcheva «14 dekabrya 1825 goda» [From the commentary to Tyutchev's poem "December 14, 1825"]. In *Intermezzo festoso. Liber amicorum in honorem Lea Pild: Istoriko-filologicheskij sbornik v chest' docenta kafedry russkoj literatury Tartuskogo universiteta Lea Pil'd* [Intermezzo festoso. Liber amicorum in honorem Lea Pild: Historical and philological collection in honor of Associate Professor of the Department of Russian Literature at the University of Tartu Lea Pilde]. Tartu, Izd-vo Tartuskogo universiteta Publ., 2019, pp. 107–111. (In Russ.)

Ejdel'man, N.Ya. *Pushkin i dekabristy: Iz istorii vzaimootnoshenij* [Pushkin and the Decembrists: From the history of relationships]. Moscow, Hudozh. lit. Publ., 1979. 422 p. (In Russ.)